



РЕЛИГИИ И ТАЙНЫЕ УЧЕНИЯ ВОСТОКА

« ДУХОВНЫЕ УЧЕНИЯ »

- » Внутренние учения
- » Аспекты иудейской мысли
- » Религия Индия
- » Дух — Бог — Ислам
- » Учение о Водорае
- » Буддизм Будда
- » Исламское христианство

Йог Рамачарака Религии и тайные учения Востока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160604

Аннотация

Расширение сознания – как прозрение и просветление, помогающие вобрать в себя все грани этого огромного мира... Многие и многие мистические идеи Востока, сливающиеся в Единое – в Учение о Пути, освобождающем человека от уз повседневности и мелочных привязанностей. Перед вами – начало этого Пути. Достаточно сделать первый шаг!

Содержание

Чтение 1. Страна Ганга	4
Особое послание (1) йога Рамачараки	30
Чтение 2. Внутренние учения	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рамачарака

Религии и тайные учения Востока

Чтение 1. Страна Ганга

Индия – страна Ганга, родина санскрита, коренного языка мира, мать всех религий и всей философии мира – двадцатое столетие и западный мир приветствуют тебя! Из индийских источников вышли все языки мира, на которых люди выражали и выражают свои мысли. В Индии возникли все словесные символы, которые сделали возможным серьезное мышление и выражение глубоких мыслей, недоступных для обыкновенной речи. От мыслителей и учителей Индии пришли к нам коренные идеи, из которых выросли все религии и философские системы. Все философские понятия и религиозные истины, которые одушевляли и вдохновляли людей в течение тысячелетий известной нам истории, можно проследить до их источника, берущего свое начало в Индии. Сотни столетий глубокого мышления о тайнах существования служат как бы закваской для мышления всего мира. Это – дрожжи, на которых ставится духовный хлеб, дрожжи, которые поднимают инертную массу материализма и так изменя-

ют его характер, что он перестает приносить вред человеку, перестает принижать его духовно.

История Индии начинается за много столетий до нашего времени. Сами индусы утверждают, что, согласно их записям и преданиям, история охватывает период в сто столетий, то есть в 10 000 лет, и что их народ существовал даже раньше этого времени; он находился последовательно то в периоде развития цивилизации, то упадка, так сказать, отдыха народов, возвращавшихся к земле. За сотни лет до того как явились первые проблески нашей настоящей цивилизации, за сотни лет до того как была основана наша христианская религия, за сотни лет до времен Авраама, Моисея и начала еврейской религии, индийские учителя философии создали великие философские школы. Школы эти разделились при их последователях на отдельные учения. Главные направления дошли до нашего времени. Веды и Упанишады были написаны ранее самого древнего известного нам исторического периода и передавались от учителей к ученикам в течение целых тысячелетий. Ранее сфинксов и пирамид древнего Египта великие ученые Индии уже формулировали свои доктрины и основывали свои школы. И, несомненно, такая древность учений, указывающая на жизненность доктрин, сохранившую их живыми и сильными в течение таких необозримых периодов времени, должна привлечь наше внимание и вызвать чувство почтения и уважения.

Передовые ученые западного мира давно признавали

огромную ценность и важность работ индийских мыслителей и философов и всегда утверждали, что индийское мышление является фундаментом, на котором создалась вся западная мысль. И, в самом деле, очень трудно найти какое-нибудь течение западной философии, которое не было бы основано на индийской философии. Даже системы, кажущиеся совершенно оригинальными, сознательно или бессознательно повторяют, в сущности, основные истины, высказанные много столетий тому назад каким-нибудь индийским мыслителем. Всевозможные системы философии, с их мыслями и размышлениями, понятиями, идеями и теориями, в свое время были выдвинуты философами Индии много столетий тому назад. Знакомясь с историей индийской философии, невольно поражаешься способности индийского философского ума действовать как тончайшее сито, через которое просеивается огромное количество мысли, причем всякая идея, сколько-нибудь важная и интересная мысль, так сказать, отбирается и сохраняется; таким путем пополнялись старые философские системы или создавались новые. Профессор Макс Мюллер и Пауль Дейсен утверждают как факт, что Индия является источником всей философской мысли и что в Ведах и Упанишадах можно найти образцы всех философских идей, которые когда-либо после высказывали западные умы. Такое утверждение отнюдь не есть хвастовство индусов, желающих возвысить в глазах иностранцев свою родину. Это говорит западный ученый на основании изу-

чения первоисточников, приводя самые строгие доказательства каждого своего утверждения.

Виктор Кузэн, французский философ, сказал: «Когда мы знакомимся с поэтическими и философскими памятниками Востока, особенно Индии, сведения о которых начинают распространяться в Европе, мы открываем там множество истин, настолько глубоких, что в сравнении с ними все, достигнутое европейским гением, кажется бедным и скудным. И, видя полноту богатств Индии, мы должны склониться перед философией Востока и видеть в стране, называемой колыбелью человечества, родину высшей философии: Индия содержит всю историю философии как бы в упрощенном виде».

Моньер Уильямс в своей известной работе об индийских религиях писал: «Если мне позволят такое выражение, то я скажу, что индусы были последователями Спинозы более чем за две тысячи лет до жизни этого философа; они были дарвинистами за много столетий до Дарвина и эволюционистами за много сотен лет до того времени, когда доктрина эволюции была принята учеными нашего времени, ранее даже, чем само слово «эволюция» начало существовать на каком бы то ни было языке».

Многие авторы утверждают, что величайший греческий мыслитель и философ Пифагор получил свои знания от индийских учителей во время своего пребывания в Индии; существуют легенды, которые говорят, что, возвратясь в свою

родную страну, он привез с собой ученых индийских философов, для того чтобы греки могли поучиться от них непосредственно. Верно или не верно это предание, во всяком случае несомненно, что жизненность греческой мысли зависит от индийского влияния. Профессор Гопкинс писал: «Платон полон положений и идей школы санкхья, которые он разработал, заимствовав их от Пифагора. *Более чем за 600 лет до Р. Х. все религиозные и философские идеи Пифагора были уже общеизвестны в Индии.* – Если бы это был один или два факта, то их можно было бы рассматривать как случайное совпадение, но этих совпадений слишком много, чтобы их можно было объяснить случайностью ... *Неоплатонизм и христианский гностицизм очень многим обязаны Индии.* Гностические идеи относительно множественности небес и духовных миров можно проследить до индийских источников. Душа и свет считались одним и тем же в философской системе санкхья, гораздо раньше, чем их стали считать одним и тем же в Греции. И соединению этих идей в одно целое в Греции помогли мысли, заимствованные из Индии. Знаменитые три гуны системы санкхья являются у гностиков тремя классами душ». Дэвис говорит: «Философская система Капилы есть видоизменение системы философии, которую можно видеть в истории человечества; это самая первая попытка дать ответ при помощи одного лишь разума на таинственные вопросы, возникающие в каждом мыслящем ум относительно происхождения мира, природы и отношения

человека к его будущей судьбе». Тот же самый автор говорит: «Философия Шопенгауэра, Гартмана есть воспроизведение философской системы Капилы в ее материалистической части, причем эта система представляется нам только в более разработанной форме, но в тех же самых основных чертах. В этом отношении человеческий *интеллект как будто занял ту же самую область, которая принадлежала ему уже более двух тысяч лет тому назад*. Но во многих важных вопросах он сделал как бы шаг назад. Философия Капилы признавала душу человека сущностью, образующей его настоящую природу. Это – абсолют Фихте, отделенный от материи и бессмертный. Но позднейшая философия видит в человеке только высокое развитие организма». Гопкинс говорит: «И Фалес, и Парменид были как будто предусмотрены индийскими мудрецами. Вся элейская школа кажется будто отражением Упанишад. Доктрины Анаксимандра и Гераклита были несомненно известны в Индии раньше, чем они появились в Греции». Шлегель писал: «Божественное происхождение человека, как о нем учит веданта, постоянно внедряется в сознание человечества, чтобы побудить его возвратиться к этому источнику, одушевить его в борьбе и заставить смотреть на единение и общение с божеством как на главную цель всякого действия. Даже самое высокое из философских направлений, идеализм, как он был создан греческими философами, в сравнении со светом и силой восточного идеализма является только слабой искрой в сравнении с лучами

полуденного солнца».

О системе веданты индийской философии Макс Мюллер говорит: «Веданта обладает совершенно исключительным характером, исключительным в сравнении со всеми другими философскими системами мира, потому что все остальные системы, прямо или косвенно, находятся под ее влиянием». Говоря о философских идеях веданты, основным тезисом которой является отрицание реальности феноменального мира и утверждение реальности только Абсолютного Единого, Макс Мюллер говорит: «Никто из наших философов, не исключая Гераклита, Платона, Канта и Гегеля, не решились бы воздвигнуть такую башню, не пугаясь ни грома, ни молнии. Камень ложится на камень в правильной последовательности, и человеку, который рассматривает это здание, делается совершенно ясно, что в начале могло быть только Единое и что это же Единое будет в конце, как бы мы ни назвали его, атманом или Брахманом». Сэр Уильям Джонс сказал: «Невозможно читать веданту или какие-нибудь хорошо составленные комментарии к ней, не чувствуя совершенно ясно, что Пифагор и Платон заимствовали свои наиболее высокие идеи из того же самого источника, из которого черпали эти идеи индийские философы». Шопенгауэр писал: «Нет ничего более возвышенного и благодетельного для человечества, чем изучение Упанишад. Он были утешением в моей жизни и будут утешением в моей смерти». Пауль Дейсен говорит: «Бог, единое начало всего хорошего в

нас, не таков, как его рисует Ветхий Завет. Это не существо, противоположное нам и отделенное от нас, это есть наша божественная сущность. Это и многое другое мы можем узнать из Упанишад, и мы должны изучать их, если хотим дать нашему миропониманию, из какого бы источника оно ни исходило, тонкий заключительный штрих и сделать его полным и согласованным».

Западные читатели, которые захотят познакомиться с религиозными и философскими системами Индии, окажутся в очень невыгодном положении вследствие своей отдаленности от авторитетных учителей. Им будет очень мешать их неспособность различать истинное и ложь, подлинное и поддельное, истинное и полуистинное. Они должны приучаться разбираться в огромной литературе, посвященной Индии. Можно наполнить целые библиотеки книгами, относящимися к Индии, к ее религиозным и философским системам. Очень много сочинений западных авторов написаны только после поверхностного знакомства с предметом. Тут начинающий знакомится с такими книгами, в которых он не будет в состоянии примирить встречающиеся в них противоречивые утверждения. Он увидит, что различные авторитеты абсолютно противоречат один другому, и он не будет в состоянии решить, какой же из этих источников, из которых он собирается черпать сведения, более надежен и верен. Этому совершенно нечего удивляться, если мы вспомним, что большинство западных авторов, писавших об Индии, получили

свои сведения не из авторитетных источников, а собирали их со всех сторон, причем сами не обладали способностью отличать подлинные идеи от поддельных. Это последнее особенно трудно, потому что самые мысли Востока необыкновенно далеки и чужды для западного ума, получившего совсем другую умственную, религиозную и философскую подготовку. Правда, существует на Западе очень много хороших работ об Индии, но они теряются в огромном количестве совершенно пустых сочинений, полных заблуждений, предрассудков и предубеждений.

Для человека, который хочет действительно сознательно и разумно писать об индийской философии или религии, необходимо выработать в себе симпатию к индийской душе. Нет надобности верить во все, во что верят в Индии, и принимать все религиозные формы; нет даже необходимости становиться последователем индийской философии; нужно просто обладать умом, симпатизирующим основным идеям и *основным духовным принципам* индийской философии. В сущности это необходимо по отношению к учению и верованию всех народов. Представьте себе китайца, незнакомо-го с Западом и не симпатизирующего Западу, пытающегося дать правильный очерк западных верований и философских систем и пр. на основе разнообразных и противоречивых источников, и тогда вы поймете, какие трудности стоят на пути западного писателя, который захочет писать об индийских философских системах. Без преувеличения можно сказать,

что перед китайцем стояла бы более легкая задача, потому что значительная часть западных мыслей нашла свое выражение в книгах и легко поддается извлечению из них. Что же касается индийской философии, то очень многие идеи ее существовали и существуют только в форме словесных учений или преданий, передающихся из уст в уста, и из на-меков, которые нужно читать между строками написанных книг. Для человека, который действительно хочет глубоко писать об индийской мысли, необходимо обладать не только всеми возможными источниками сведений, но также и ин-стинктом, который помогал бы ему различать авторитетных ученых от неавторитетных – от тех, учения которых содер-жат в себе только полуистину. Главное, он должен обладать индийским духом, т. е. он должен быть способен видеть мно-гие вещи так, как их видит индус – и только тогда он будет в состоянии находить те великие духовные мысли, которые за-ключены в различных словах, символах и изречениях, и ко-торые помогают нам проникнуть в самое сердце внутренних учений. Это и есть тот ключ, который отпирает двери храма.

Когда мы вспомним, что многие из попыток западных пи-сателей истолковать индийские философские системы при-надлежали людям, которые жили в Индии в качестве хри-стианских миссионеров, т. е. относились к тем, обязанность которых заключалась в том, чтобы дискредитировать тузем-ные религии в глазах индийского народа в надежде привлечь индусов к той вере, которую они сами старались распро-

странять, – то станет понятным, как легко они могли впасть в заблуждение. Как бы они ни были искренни и честны, и как бы они ни старались исполнить свою задачу лучше, они непременно вынуждены были придавать излагаемым теориям окраску своей собственной точкой зрения, присущей их профессии. Миссионеры по отношению к индийской религии находятся в положении прокуроров, обязанных обвинять. Как бы они ни старались быть беспристрастными, они все-таки, по самому своему существу, обязаны отыскивать слабые места и наиболее уязвимые пункты. Платный поверенный, усердствующий в пользу клиента и проникнутый односторонним взглядом на дело, не станет, весьма вероятно, на точку зрения истинной справедливости, как бы он ни был честен.

И затем, основное противоречие между главными философскими идеями индийского философа и христианского теолога едва ли может быть ясно понятно человеком, не знакомым с идеями обеих сторон. Можно привести такой пример: «Сотворение мира» есть основное положение христианской теологии; между тем индийский философ не допускает ничего подобного. Он полагает, что «сотворить» – значить *сделать нечто из ничего*; а эта идея для него совершенно ошибочна и является безусловно немислимой и безумной с его точки зрения. Для индийского ума *из ничего не может выйти ничего*; все, что существует, существует вечно; или же оно есть форма, проявление, видимость, эманация или фа-

за чего-то вечного. «Чудо» сотворения чего-то из ничего совершенно непонятно и невысказуемо для ума индуса; как бы усердно ни старался он представить себе этот процесс, он вынужден будет сознаться в своей бессилии; – все равно как если бы ему предложили думать, что дважды два не есть четыре, или что кратчайшее расстояние между двумя точками не есть прямая, а иная линия. Для него «ничто» – всегда «ничто» и никогда не может сделаться чем-то, ни божеским, ни человеческим усилием.

Затем, для индийского ума смертное никоим образом не может стать бессмертным. *Бессмертное должно всегда быть бессмертным, иначе оно не могло бы стать таким.* А потому все, что рождается, должно когда-нибудь умереть; а все, что умирает, должно было когда-нибудь родиться. Для него Вечность должна существовать по обе стороны «теперь», так как «теперь» есть лишь точка в Вечности. Таким образом, индус не способен принять учения о бессмертии души, если не допускать ее предварительного бессмертия. Он не может вообразить себе силы, «создающей» душу из ничего и наделяющей ее бессмертием на всю вечность. Подобным же образом и западный философ не способен думать о том, чтобы что-нибудь выходило из ничего. Но эта идея не представляет никакой трудности для западного теолога, который легко рисует себе процесс «сотворения» одним божественным «да будет».

Таким образом, вы видите, как мало миссионер, пишу-

щий об индийской религии, способен схватить основные идеи и точку зрения индуса; мешает ему в этом и вся умственная подготовка и дело, которое он делает. А что верно относительно миссионера, то одинаково верно и по отношению к среднему западному исследователю восточных философских систем и религии. Индус говорит, что тот, кто хочет овладеть внутренними учениями индийской философии, тот *должен иметь «душу индуса»*, хотя бы он сам и принадлежал к другой расе или национальности. И немало уже людей на Западе действительно имеют «душу индуса», о чем может свидетельствовать увеличивающийся интерес и симпатия к индийской философии и увеличивающееся проникновение в ее учения. Индусы, встречая таких людей, объясняют это теорией перевоплощения, говоря: *«Раз был индусом, всегда будешь индусом»*. В какой бы расе душа индуса ни воплотилась, сосредоточенная сила древних учений, неизгладимо запечатлевшаяся в душе, дает ей склонность к индийской мысли. Действительно, индусы утверждают, что души древних индийских учителей, или, вернее, некоторых из них, воплощаются ныне на Западе для того, чтобы вести новые народы к познанию истины, и их первыми учениками являются люди с душами индусов, воплотившимися на Западе.

Существует еще иного рода затруднение, встречаемое западным писателем при его попытке уразуметь истинное значение индийской философии, если ему не удалось вообще понять *дух* индийской мысли. Мы здесь говорим о «внутрен-

них учениях», которые имеются во всех восточных системах. Восточный ум работает по совершенно иным психологическим линиям, чем ум западного человека. На Западе импульсом служит желание провозгласить и опубликовать все до последней мелочи в области результатов мысли, касающихся данного предмета; иногда это случается раньше, чем бывает обеспечено принятие данных идей главными авторитетами, работающими в той же области. На Востоке же господствует склонность диаметрально противоположная. Там мудрец способен приберечь для самого себя и тесного кружка своих учеников и последователей самую суть своей идеи, считая ее слишком важною для того, чтобы распространять ее без разбора перед ветреною и легкомысленною публикою. Сверх того, на Западе философское мирозерцание человека считается чисто интеллектуальною его принадлежностью, и от человека вовсе не ожидают, чтобы он жил соответственно со своей философией, с провозглашаемыми им взглядами. — Между тем на Востоке философ принимает свои учения гораздо более серьезно, и точно так же делает публика. От философа ожидают, чтобы он проводил свои учения в повседневной жизни, и иначе, если он не делает этого, считают лицемером. Поэтому-то восточный мудрец и сохраняет для себя внутренний смысл своих учений, пока не чувствует себя способным жить согласно с ними и проявлять их в своей жизни. А что верно относительно одного индивидуума, одинаково верно относительно большой группы мыслителей,

инстинктивно сохраняющих для немногих внутреннее учение своей философии, считая почти святотатством разглашение эзотерических истин между теми, кто не доказал своего благородства и чистоты мотивов.

Кроме того, в индийской философии всегда существовали и существуют отдельные системы эзотерических учений, которые молчаливо принимаются и признаются всеми изучающими философию, но которые открыто не преподаются. Эти основные истины глубоко запечатлены в сознании индуса и усваиваются им почти с молоком матери. Английский же исследователь, не находя в книгах ясного и обстоятельного изложения этих основных истин, склонен игнорировать их, а следовательно, не способен и понять надлежащий смысл известных второстепенных истин и идей, вытекающих из этих основных концепций. Это очевидно для всякого, кто схватил внутренний смысл индийского мирозерцания и кто способен различить общий базис у теорий по внешности противоречивых и находящихся в разногласии школ. И даже читая статьи и книги, написанные западными писателями, представляющими различные школы как нечто диаметрально противоположное друг другу, и не имеющие никакого общего базиса и почвы для взаимного соглашения, он и здесь не будет введен в заблуждение. Истина заключается в том, что *все разнообразные индийские мирозерцания и религии представляют лишь различные ответвления из одного общего ствола и корня*. Человек, который

открывает коренную мысль, затем уже способен проследить все тонкие различия толкований и доктрин и примирить для себя их разницу, рассматривая их с точки зрения их общего происхождения. Тогда как западный читатель, который не способен различить общий ствол и корень всей системы индийской философии, запутывается в массе противоречий, в которых для него не видно соотношения и гармонии. В этой книге мы надеемся изложить предмет таким образом, чтобы читатель мог видеть эти общие ствол и корень, а затем чтобы он мог проследить расходящиеся ветви от точки видимого их расхождения до самых концов; или наоборот, чтобы он был в состоянии следовать назад по пройденному мыслью пути от крайней его точки до точки, где этот путь отделяется от общего ствола.

Если вышеустановленные положения касательно затруднительности правильного понимания и истолкования индийской философии правильны, то что следует сказать о попытке западного ума понять и истолковать индийские религиозные системы во всех их разветвлениях, наименованиях и подразделениях вплоть до самого тонкого, едва заметного различия. Для среднего западного ума индийские религии есть нечто чрезвычайно запутанное, беспорядочное, по видимости построенное на неустойчивом фундаменте и страдающее отсутствием связности и разумного общего основания. Западный ум с одной стороны встречается с высшими

духовными учениями и самой утонченной, мудрой философией, унаследованной от величайших умов древней Индии; а с другой стороны наблюдает грубейшее суеверие и легковерие, сопутствуемые нелепейшими формами обрядовой бессмыслицы и деятельностью жадного и тиранического класса жрецов и священников. С одной стороны он видит самые высшие духовные концепции и самую суровую, аскетическую жизнь, а с другой стороны видит проявление того, что кажется ему грубейшими формами фаллического культа и возмутительнейшими проявлениями безнравственности и бесстыдства. Могут ли подобные вещи иметь общее происхождение? Может ли быть какая-нибудь связь между высшими и низшими формами? – Исследователь забывает, что в истории всех религий наблюдались крайности и противоречия, но обыкновенно они отделяются целыми периодами во времени и целыми эрами в мысли; тогда как в Индии они существуют одновременно и почти рядом.

Затем, западный исследователь видит высший образ религиозной философии, преподаваемой в некоторых более возвышенных толкованиях веданты, далее которой никакой человеческий ум не отважился углубиться, столь тонки и эфирны ее концепции. Истину там неотступно преследуют, пока она, наконец, не расплывется в такой трансцендентальной неопределенности, до которой проводить ее может только ум, воспитанный на высших философских методах. И в противоположность веданте, западный наблюдатель ви-

дит то, что представляется ему грубейшею формою идолопоклонства, унижительным легковерием и суеверием, почти формой поклонения дьяволу и фетишизмом. И он совершенно прав, когда спрашивает, может ли существовать какой-либо общий корень и общее происхождение для столь противоположных высоких идей и низких культов. Поэтому нет ничего удивительного, что западный мир, слыша рассказы миссионеров и путешественников, а затем знакомясь с возвышенными учениями в Ведах и Упанишадах, не в состоянии понять в этом что-либо и думает, что Индия – это какой-то кошмар в области религиозно-философских блужданий и исканий. А когда к этому прибавляются рассказы о чудесах индийских факиров и о магии, это еще более затрудняет понимание Индии, и затруднение не делается меньше, когда он слышит заявления индийских учителей, что эти «чудеса» совершаются не высокорелигиозными людьми и не путем духовных методов, но что, наоборот, они являются результатом некоторых манипуляций в области «психизма», доступных каждому, кто захочет изучить данный предмет, и часто совершаемых людьми совершенно не духовными и не обладающими ни моральными, ни религиозными достоинствами и нередко несведущими, даже в самых началах философии. Все это кажется в высшей степени запутанным для западного ума, но мы надеемся отчасти осветить темные стороны этого предмета.

Объяснение преобладания низших форм фетишизма, суеверия и религиозного упадка, рядом с высшими формами религиозного и философского познания и учения, можно найти во всей умственной атмосфере Индии и в истории мысли в этой стране. Нужно помнить, что в течение бесчисленных столетий ум индуса отдавал себя исключительно исследованию «другой стороны жизни» с такой степенью напряженности и интенсивности, что это не может даже вообразить себе западный ум. В то время как современные страны Запада, в лице энергичных пионеров разнообразной деятельности, подвигались вперед и достигали материального благосостояния и прогресса, Индия покоилась недвижимо, предаваясь мечтам о том, что скрывается за этим материальным миром и что лежит ниже и выше физического существования. Для индийского ума физический и материальный мир есть более или менее иллюзия, так как он исчезает почти в момент своего образования и, таким образом, есть явление как бы одного момента, тогда как духовный мир есть мир реальный, к которому поэтому ум человека может быть обращен самым естественным образом. Имейте в виду, что мы просто указываем на факт и на существующие условия, чтобы вы могли понять их, а совсем не настаиваем на истинности приведенной идеи, потому что, говоря откровенно, мы считаем общее направление индийского ума настолько же «односторонним», как и направление западного ума. Первый, то есть индийский ум, поглощен стороной «Я

есмь» и забывает о стороне «Я делаю». Второй, т. е. западный ум, целиком зависит от стороны «Я делаю» и почти совершенно забывает о стороне «Я есмь». Один рассматривает бытие и забывает о действии; другой рассматривает действие как главную вещь и забывает жизненную важность существования «Я». Для западного мира физическое является доминирующей фазой, для Востока главенство принадлежит метафизическому. Мыслящие люди Востока и Запада одинаково ясно видят, что в будущем наиболее яркие результаты прогресса должны получиться от соединения методов двух цивилизаций. Активность Запада должна быть прибавлена к созерцательности Востока, что вдохнет таким образом новую энергию в жизнь древних стран. А в то же время к западной активности должна быть прибавлена духовность и «знание души» Востока, для того чтобы был нейтрализован необузданный материализм и установлено правильное равновесие между стремлениями к внутреннему и к внешнему. И внимательные наблюдатели уже видят сближение Востока и Запада и открывают в готовности Востока заимствовать западную активность и в жажде Запада достичь знания души и постичь то, «что лежит в основе жизни вселенной», — указание на удивительное будущее земного мира, Востока и Запада вместе.

Народы Индии отделены лишь тонкою завесою от «другой стороны жизни». Каждый, кто поселился в Индии и кто позволяет себе почувствовать ток мысли и жизни, проявля-

ющиеся там, скоро заметит и поймет, что существует огромная психологическая разница между древней страной Ганга и западным миром. Эта разница заключается «в самом воздухе» Индии, и никто не может жить там, не почувствовав его тонкого действия и влияния. Никакой западный человек не может прожить в Индии пять-шесть лет и вернуться затем домой совершенно таким же, каким он был раньше. Пожив в Индии, он никогда уже больше не потеряет смутное и туманное чувство Чего-то живого, находящегося в воздухе и вокруг него. Каким бы он ни был материалистом и с какой бы презрительной насмешкой он не относился к своему собственному чувству, он все-таки будет чувствовать нечто вокруг себя, – он заразится психической атмосферой Индии.

Этот факт ментального и психического воздействия атмосферы в стране индусов имеет свои хорошие и дурные последствия. Точно так же, как богатая почва тропических стран, под палящим солнцем и благодаря другим влияниям природы, создает пышную растительность, полезную человеку – обилие цветов и плодов, так та же самая почва, благодаря тем же самым условиям, создает невероятное богатство вредной растительности, чужеродных растений и сорных трав – поэтому плодородные поля Индии являются таким контрастом с дикими зарослями джунглей, лежащими рядом с ними. И, однако, и плодородные поля, и дикие заросли создаются на одной и той же почве, под одним и тем же солнцем, одними и теми же атмосферическими условиями. И за-

тем это же удивительное солнце тропических и подтропических стран, стремясь вызывать поразительную растительность и создавать удивительные жатвы, временами, при известных условиях, сжигает зерновые хлеба, высушивает плоды и уничтожает всякую производительность почвы ужасной и мертвой засухой, в результате которой мрачный голод распространяется и царит в тех самых местностях, где собирались обильные жатвы. И тогда тысячи людей погибают от голода, вместо того чтобы кормиться из рук природы. И то, что случается на физической плоскости, в Индии происходит и на ментальной и духовной плоскости. Почва, так богатая для развития ума, снабженная всем необходимым для духовного роста, озаренная солнцем высшего духовного знания, становится также пригодным полем для зловредного развития суеверия и легковерия, для поклонения дьяволу и ужасного упадка мысли и нравов. И опять, как солнце создает роскошные жатвы в одном месте и мертвящую засуху в другом, так и богатое духовное развитие Индии оттеняется темными сторонами выродившихся учений среди того же самого народа.

Индия есть страна замечательных духовных контрастов: высшее и низшее могут там находиться совсем рядом. Но для людей, способных заглянуть дальше внешности в самую суть дела, очевидно, что все низшие формы религии в Индии всегда оказываются лишь *выродившимися и искаженными сторонами* истинных религиозных учений индусов. Подобно тому, как люди могут вырождаться нравственно, умствен-

но и физически, так они могут вырождаться и духовно. В западных центрах цивилизации встречаются иногда люди-чудовища, совершающие деяния более дикие, чем те, на какие способны самые невежественные дикари; попадают там и люди определенного интеллекта, оказывающиеся виновными в деяниях, на какие и лютый зверь не способен. Подобным же образом находим и в Индии такие низшие, невежественные классы народа, которые так далеко отпали от возвышенных духовных учений их расы, что по всей духовности они ниже невежественных дикарей, не имеющих никакой религии. Чем больше высота, тем ужаснее падение; чем дальше размах маятника в одну сторону, тем дальше его размах и в другую. Законы природы, проявляющиеся в физической плоскости, подобным же образом действуют и в умственной и в духовной плоскостях. Быть может, когда вы прочтете эту книгу, вы будете в состоянии понять истинное и ложное и относительно религий Индии; тогда вы убедитесь, что в то время как ее философия достигает высочайших вершин человеческого знания, известные формы религий Индии пребывают, сравнительно, в самых низких и мрачных пропастях, лишённые солнечного света и живительного влияния высот мысли.

Индия обладает населением приблизительно в *триста миллионов*¹, которое распределено на громадной, густо населенной территории. Население ее состоит из бесчисленных

¹ Сейчас население Индии превышает миллиард человек. – Прим. ред.

народов и рас, принадлежащих ко всем оттенкам религиозных толков и обрядностей, между которыми имеются миллионы настоящих индусов с их разнообразными верованиями и сектами. Затем христиане, магометане, евреи, парсы, буддисты, джайны, сикхи и другие; сюда же нужно включить около полумиллиона аборигенов Индии, не арийцев или истинных индусов, которые держатся древней формы поклонения предкам. Нет ничего удивительного, что все оттенки религиозной мысли могут быть встречены между этими народами. Точно так же и в Европе, и в Америке можно найти все формы, степени и оттенки религиозных верований, от самого высшего до самого низшего, и рядом с наиболее высоким проявлением религиозной мысли встретить самые суеверные формы – от религиозных идей Эмерсона до каких-нибудь суеверий американского негра, мало поднявшегося над уровнем своих африканских предков.

Как немногие из европейцев или американцев различных классов, которых мы можем встретить на улице больших городов, способны действительно понимать творения великих умов своих стран, хотя бы того же Эмерсона! Как на Востоке, так и на Западе закон везде одинаков. Людям, которые спросят: «Почему, при всей высоте концепции индийской философии, массы народа в Индии неспособны подняться на этот высокий уровень?» – мы ответим: «По той же самой причине, по которой высокие учения западных философов не достигают народных масс западного мира». Причина одна и та

же и не зависит от различий стран и народов. Во всех странах есть и развитые души, и менее развитые, и такие, которые еще стоят очень низко в своем развитии. Человек с широким взглядом на жизнь, охватывающим весь мир, не может держаться узких «провинциальных» взглядов, объясняющих все разницей между народами. Он видит везде в действии одни и те же всеобщие законы человеческой природы, проявляющееся под покровом местных черт и особенностей, но всегда одинаковые и неизменные.

Местные характерные черты и особенности индусов, которые их больше всего отличают от западных народов, обуславливаются фактом недавно упомянутым, а именно: *в Индии завеса между видимым и невидимым гораздо тоньше, чем в западных странах.* В Индии, так сказать, кора между поверхностью феноменальной жизни и великой скрытой под нею жизнью нуменальной действительно очень тонка, и чувствительная душа может ощущать биение этой скрытой жизни, удары ее сердца и различные токи ее бытия. Признав это, мы поймем, что в то время как развитая душа входит в близкое соприкосновение с внутренней жизнью вселенной и способна подняться на высшую плоскость, душа, сильно отставшая на пути духовного достижения, не обладает ни достаточным интеллектом, ни способностью распознавания, которые она могла бы применить к нахождению скрытых сил. Тем не менее, эта душа сознает существование скрытой жизни и способна развиваться по низшим «психическим» лини-

ям, вместо того чтобы идти по высоким духовным линиям и соответственно этому она склоняется к суеверию, легковерию и низшим духовным идеалам, вместо того чтобы восходить вверх. *Плевелы растут в тропическом климате так же хорошо, как и фрукты и цветы.* — Мы надеемся, что это легкое объяснение поможет вам понять предмет лучше, чем вы понимали его до сих пор.

Вот теперь приступим к рассмотрению основных начал, на которых покоится вся система индийской философии. А затем перейдем к исследованию толкований и учений каждой системы, школы, культа и секты в отдельности этой страны, столь богатой и обильной мыслями о вещах, лежащих за завесою.

Особое послание (1) йога Рамачараки

В этой книге мы приступаем к изучению религий и тайных учений Востока. Предмет этот должен представлять величайший интерес для всех тех, кто изучал по нашим предыдущим книгам идеи философии йогов. В настоящее время читатели будут в состоянии проследить шаг за шагом прогресс великой индийской философской мысли от самого начала до настоящего времени во всех ее разветвлениях и видоизменениях. Они познакомятся с внутренними или эзотерическими учениями и с основными доктринами индийских философов, которые дадут им возможность уяснить себе пункты расхождения, понять разницу в истолковании и найти возможность для примирения и соглашения учений различных школ и сект. Держа в руках ключ основных учений, читатели будут в состоянии открыть тяжелые внешние двери храма мысли. А сверх того, в силу основного и универсального характера этих учений, они будут в состоянии распутать также узлы западной философии и ее отношения к восточной, проследив каждую идею до ее происхождения и дав ей соответствующее ей место. Дальше читатели будут видеть, в чем *наша система философии* согласна с различными противоположными друг другу школами индийской философии и в чем она отличается от них. Они увидят, что хотя мы «не носим ярлыка» ни одной из многочисленных школ,

тем не менее мы признаем, что существует много пунктов соглашения между различными делениями и подразделениями этих школ. Мы принадлежим к так называемой эклектической школе индийской философии, которая не кристаллизовалась в какую-нибудь самостоятельную школу, но которая твердо основывается на прочном фундаменте основных учений. И затем «берет свое там, где находит его», изучая всех индийских учителей за пятитысячелетний период времени. «Эклектическая» школа – означает избирающая, т. е. выбирающая свои положения из разных источников, систем и т. п. Эклектизм – это полная противоположность догматизму и сектантству. Во многих пунктах мы вполне сходимся с монистической школой веданты и подобным же образом – мы во многом сходимся со школой санкхья; несколько идей у нас есть общих со школой йога Патанджали, а также много общего с буддизмом; но одновременно с этим мы исключаем много пунктов, принимаемых каждой из этих школ. При этом мы воспользовались тем великим, чрезвычайно важным для нас собранием независимых мыслей, вне регулированных индийских систем, – собранием, которого придерживались независимые мыслители, учителя и философы Индии и других стран Востока. Кроме того, мы черпали свободно и из других источников восточного оккультного учения. Кто не ознакомлен с историей индийской философии, тот, пожалуй, скажет, что эклектическая система индийской философии есть «новая вещь», продукт современных тенденций, и

что поэтому не обладает престижем и авторитетом древности. В ответ на это мы приведем следующие слова профессора Рихарда Гарбе, хорошо известного немецкого авторитета по истории философии в Индии. Профессор Гарбе говорит: «В первом столетии христианской эры возникло в Индии эклектическое движение, которое главным образом сосредоточилось на комбинировании теории санкхья, йоги и веданты». Такое «движение» (не школа или система, заметьте, а движение), которое существовало в течение двух тысячелетий, и которое вызвало за это время не одно самостоятельное течение философской мысли, не может быть названо «новым», но имеет право претендовать на надлежащее место в индийской философии».

А теперь, приступая к нашему исследованию, отложим в сторону всякие предубеждения и предвзятые понятия и внимательно рассмотрим, обсудим и взвесим учения и задачи этих разных систем, испытывая каждую из них на пробном камне основных начал, которые будут изложены. А главным образом, будем стараться видеть единство в разнообразии, очевидное для человека, схватившего проблеск истины. Будем размышлять об идее, что Истина универсальна и что ни один человек и никакое общество или группа людей не могут, не могли и не будут в состоянии монополизировать истину. Истина есть во всех учениях, но ни одно из них не включает в себе всей Истины. Таким образом, видя Истину во Всем и Все в Истине, постараемся отбросить всякие пред-

рассудки, суеверия и ханжества и постараемся видеть отражение солнца Истины в земных водах догмы, доктрины, веры, секты, школы и системы. Но всегда будем помнить, что сама Истина бесконечно выше этих отражений. И, размышляя таким образом, постараемся запечатлеть в своих умах слова многотысячелетней Ригведы, которая говорит:

Истина одна, но люди называют ее разными именами.

В этой мысли заключается секрет терпимости, широты взглядов и братства; при отсутствии этой мысли появляются нетерпимость, узость, ханжество, сектантство, догматизм, преследования, вражда, ненависть и разъединение. Существует лишь одна Истина; знать вполне эту Истину во всей ее целостности – это значит *быть* этой Истиной. Обрывки и проблески Истины, которые мы встречаем в человеческих догматах, верованиях и замкнутых системах, являются только отражениями солнца Истины, находящегося высоко в небе, но отражающегося на земле в лужах воды. Помните это и ищите солнца. Но и отражения должны изучаться, хотя бы только для того, чтобы вы могли отличать Истину от ее отражения. Таково учение мудрых.

Чтение 2. Внутренние учения

Трудно проследить начало великой арийской философии, настолько удалена эпоха этого начала. Принимается, что арийская раса существует по меньшей мере сто столетий, т. е. 10 000 лет; а многие полагают, что ее учения были основаны на учениях еще более древней цивилизации. Арийская цивилизация является несомненно матерью современной мысли, и от нее происходят языки цивилизации мира. Профессор Макс Мюллер утверждает, что почти все корни слов, употребляемых ныне цивилизованными людьми, можно проследить до немногих санскритских корней. Таким образом арийский ум завещал нам не только предмет мысли, но и самые слова, при помощи которых эти мысли могут быть приняты и выражены.

Много столетий тому назад арийское племя спустилось в равнины Индии, покоряя и прогоняя темнокожих первобытных жителей этой страны. Откуда арийцы пришли, историки не могут решить окончательно, но легенды указывают, что пришли они из какой-то неизвестной страны на севере. Некоторые предполагают, что они пришли из страны северного полюса, где раньше были совсем другие климатические условия, чем теперь; другие же думают, что это были остатки великого народа, родной край которого был разрушен в силу геологических катаклизмов. Действительно, некоторые

древние легенды рассказывают, что арийцы были потомками жителей бывшего континента Лемурии, который, согласно этим легендам, был расположен на месте теперешнего Тихого океана и частей Индийского океана и включал в себя земли и острова, относящиеся теперь к Австралии и к Полинезии. Эти земли и острова на самом деле представляют собою остатки бывшего континента, его самые высокие пункты; более низкие места его погибли под водой. Легенды утверждают, что перед этим великим переворотом, разрушившим страну и уничтожившим обитателей Лемурии, состоялось переселение больших масс лемурийцев, под руководством их религиозных вождей, предсказавших грядущее разрушение страны. Эти переселенцы и их потомки спаслись на некоторых высших точках отдаленных северных частей страны, которые во время переворота превратились в острова. Оставаясь на этих островах в течение целых столетий, они затем эмигрировали на материк новой страны, поднявшейся из моря к югу от них, которая теперь известна под именем Индии. Страна была занята темнокожими жителями, загнанными в нее из других краев изменениями климата и геологическими катаклизмами. Потомки арийцев победили их, ввиду значительного превосходства своего умственного развития. Интересно отметить, что около миллиона потомков этих неарийских аборигенов до сих пор населяют разные части Индии. Арийцы дозволили им жить в покое, и они остались верными религии своих праотцов, так как по-

бедители, уважая чужие верования, не навязывали им своих. Арийцы благоденствовали в новых краях, и от них произошли арийские племена Индии. Часть их однако перешла в страны, составляющие нынешнюю Европу, а потомки их известны нам под названием германских, романских, кельтских, греческих и прочих племен. Немногие на Западе знают, что арийские индусы и господствующие племена западного мира происходят из одного и того же ствола, а не представляют собою особый народ, подобно китайцам, японцам и др. Факт общего происхождения подтверждается общими верованиями этих племен, согласно данным древней истории, например, верованием в перевоплощение и пр.; эти верования были общи всем предкам западных народов.

В течение периода переселений, скитаний и устройства жизни – периода, продолжавшегося много столетий, – древние арийцы несколько потеряли свою древнюю цивилизацию и культурность; это всегда случается с пионерами, покидающими свою страну и уходящими в чужие края, где они должны все «начинать вновь с самого основания» и создавать новую цивилизацию. Поставленные в новые и сравнительно более трудные условия, арийцы постепенно впали в первобытную простоту. Прежние понятия и знания исчезли и заменились преданиями, легендами и смутными воспоминаниями о древних учениях, передаваемыми стариками своим внукам и правнукам. Но хотя большая часть их древней философии была потеряна и религия из тонкой метафизической доктри-

ны превратилась в первобытный культ, все же некоторые основные истины не были совершенно утрачены. Древние учения заключались, во-первых, в понятии о великом мировом Едином Абсолютном Бытии, от которого все прочее получает начало и от которого индивидуальные души вытекают «подобно искрам, летящим от пылающего огня»; во-вторых, в понятии о *бессмертии души*, которая никогда не рождалась и никогда не может умереть, и которая, повинувшись всеобщему закону соотношения между причиной и следствием, подлежит перевоплощениям. Хотя древние арийцы и потеряли полное представление об этом Едином Абсолютном Бытии, однако идея Великого Духа Природы, часть которого они сами составляют, каким-то таинственным образом продолжала существовать среди них. Точно также, они не забыли окончательно доктрины Перевоплощения. Философская мысль арийской расы сроднилась с этими двумя основными доктринами – представлением о Великом Духе Природы и доктриной Перевоплощения – и они до сих пор не отвергнуты ею.

Эти простые, первобытные народы, естественно, пошли по пути каждого народа, стоящего на уровне их цивилизации. Они стали создавать богов и полубогов без числа, согласно своим понятиям и согласно требованиям своего воображения. Число богов умножалось, и различие между ними становилось определеннее, по мере того как раса быстро росла и разделялась на племена, народы и национальности.

Но арийский ум в Индии никогда не терял из виду той истины, что выше всех их богов и над всеми их богами существует Один, от которого даже боги получают начало. Даже самые отставшие в развитии племена, которые впали в идолопоклонство и самые боги которых свидетельствовали об их грубости, низводившей религию практически к поклонению дьяволу, все же сохранили предание о своем «Боге Богов». Таким образом, раса опять восходит вверх, проходя через все стадии, какие свойственны вообще всем расам при религиозной эволюции. Унаследованные же представления о Едином обнаруживают свое тонкое влияние и вновь способствуют расцвету религиозного сознания расы.

В период времени приблизительно за пять тысяч лет до христианской эры среди многих индийских народностей, в особенности в некоторых благоприятных местах, где борьба за жизнь не была очень жестока и где народ достиг сравнительно высокой культурности и знания, пробудился большой интерес к философии. Индусы утверждают, что причиной этому было перевоплощение душ многих древних учителей коренной расы, которые вернулись на землю и воплотились в тела своих потомков. Они начали воскрешать древнее знание, растерянное в течение столетий, ушедших на переселение, скитания и на созидание новой цивилизации. Около этого времени, по той или иной причине, началось чудесное возрождение философской мысли, результаты которого мы можем видеть в Индии даже в настоящие дни. В то

именно время в Индии появились великие мыслители, которых мы ныне называем «древними индийскими мудрецами» и память о которых, переходя в преданиях от поколения к поколению, сохранилась и поныне в современной Индии. Эти люди существовали раньше времени появления Вед и Упанишад, древних священных книг индусов; эти мудрецы положили основание индийской философии, которая дальше оказала такое огромное влияние на всю арийскую расу.

Как мы можем заключить по письменам и устным преданиям – в особенности по последним, так как индусы всегда усваивали большую часть своих учений путем устной передачи – мудрецы собирали вокруг себя самых интеллигентных молодых людей и излагали им философию Чистого Разума. От учеников они требовали отрешения от всех предвзятых идей и религиозных учений, поскольку таковые касались философских понятий, и, предлагали «начинать с основания», т. е. заложить сначала прочный фундамент философской мысли, а затем уже заботливо приступить к постройке на нем самого здания. Действительно, мудрецы так заботились о прочности фундамента, что, можно сказать, вся их деятельность сосредоточилась главным образом на закладке этого великого фундамента индийской философии; дело же возведения стен здания они оставили своим последователям грядущих поколений. И свою задачу они так прекрасно исполнили, что хотя в течение минувших пятидесяти столетий в Индии появилось множество новых философ-

ских системы и многие из них успели уже исчезнуть, основание, положенное древними мудрецами, до сих пор остается таким же прочным и непоколебимым, как в самом начале; в течение многих веков оно остается неизменным, невредимым и нечувствительным к тяжести возводимой на нем надстройки. Конечно, такое основание должно быть очень прочно и заслуживает внимания и оценки со стороны всех мыслителей, каковы бы ни были их личные верования и к какой бы национальности они ни принадлежали. Познакомимся же теперь с учениями индийских мудрецов и заложенном ими основанием философской мысли.

Прежде всего мудрецы предлагали своим ученикам обратить внимание на то, что в феноменальной природе и во всей вселенной нет ничего постоянного, прочного, определенно-го и нетленного. Здесь, быть может, будет уместно объяснить то, в каком смысле они понимали слово «феноменальный». Для них санскритское слово, передающее идею, которую мы выражаем теперь словом «феноменальный», означает «то, что воспринимается чувствами, т. е. то, что можно видеть, осязать, слышать, обонять, различать по вкусу и, вообще, ощущать каким бы то ни было образом». Греческое слово «феноменальный» определяется Вебстером так: «Внешний вид; все видимое; все то, что можно познавать путем наблюдения». Оба толкования почти тождественны по своему смыслу. Итак, мудрецы предлагали своим ученикам убедиться в том, что феноменальный мир представляет собою лишь ряд

перемен, изменчивых форм и явлений, но ничего прочного или постоянного. Для ума индийских мудрецов ни одно из этих феноменальных явлений и все они вместе не были «реальными»; причем этот термин «реальный» употребляется ими в смысле «недвижимого, определенного, прочного, постоянного». Согласно этому, мудрецы предлагали своим ученикам признать, что феноменальная вселенная не реальна в философском значении слова.

Следующий шаг со стороны индийских мудрецов на пути преподавания философии заключался в том, чтобы заставить учеников признать, что за всеми переменчивыми явлениями феноменальной вселенной скрывается нечто Реальное, на лицевой поверхности которого происходит постоянная игра материи, силы и жизни, подобно тому, как рябь и волны играют на поверхности океана, или – как облака пробегают по лазури неба. Другие мудрецы утверждали, что каждый пытливым ум должен непременно убедиться в том, что существует нечто Реальное, скрывающееся за феноменальной вселенной, иначе эта последняя не могла бы существовать даже по видимости; таким образом возникала уверенность, что должна быть некоторая основная Реальность или начало Субстанции. Термин индийских мудрецов, из которого возникло понятие Субстанция, может быть понят из определения, данного Вебстером, а именно: «Субстанция – это то, что кроется под всеми внешними проявлениями; это то, от чего зависят все свойства каждого предмета, что со-

ставляет всю его сущность; эта природа вещей; действительная, живая сущность». (Нужно помнить, что этот термин не употребляется в смысле «материи» или «вещества»). Следовательно, эта универсальная Субстанция должна быть реальной и, рассматриваемая во всей своей полноте, она неизбежно является единственной Реальностью. Дальнейшее положение индийской философии заключается в признании того, что эта Субстанция должна быть только Одна по своему существу, иначе не могло бы существовать той непрерывности, той связи и того методического порядка в явлениях, какие наблюдаются в феноменальной вселенной.

Новый шаг в логическом рассуждении мудрецов заключается в том, что эта, не подлежащая дальнейшему анализу, Основная Реальность должна быть выше всяких атрибутов и качеств, приписываемых обыкновенно феноменам, включая сюда и качества человеческие. Следовательно, внутренняя природа основной Реальности, или Сущность Бытия, лежит вне границ всякого познания и даже человеческого воображения. Как Непознаваемая, она не подлежит никакому определению и не может иметь никакого наименования; поэтому мудрецы назвали эту Основную Реальность санскритским словом «тат», от которого происходит английское слово *that* и русское слово «то», относительное местоимение, под которым подразумевается нечто, чему в данном случае нельзя приписать никаких качеств, никаких атрибутов и никакого имени. Это санскритское слово *tat*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.